

Ребенок в мире агентов и структур: об антиномиях исследований детства

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-29-49

Резюме:

В статье анализируются концептуальные положения и разногласия среди теоретиков междисциплинарных исследований детства — области знания, возникшей на базе новой социологии детства. Это движение позиционировало себя как смену парадигмы осмысления детства, открывающей его как концептуально автономную область, где учитывается активная роль детей в конструировании собственных опытов и социальных отношений. Широкое принятие языка для разговора о детстве, предложенного в рамках новой парадигмы, привело к его жаргонизации, повсеместному распространению некритически повторяемых общих мест и снижению теоретических ставок. Чтобы противостоять этой тенденции, исследователи пытаются переосмыслить доминирующие в их научной области подходы. При этом внимательное рассмотрение теоретических постулатов и понятийного аппарата представителей исследований детства обнаруживает фундаментальное расхождение, которое не может быть сведено только к методологическим или стилистическим предпочтениям. В статье это расхождение рассматривается как антиномия между агентностью и структурностью, а также как абсолютизация субъективного или объективного полюсов познания. На примере программных текстов показано, чем агентный подход в контексте исследований детства отличается от структурного, а также какие эпистемологические и политические следствия есть у обеих позиций. Ставка на агентность и автономность детства оборачивается фетишизацией вечно ускользаемой аутентичности детского голоса; структурный подход к детству, в свою очередь, предстает тривиализирующим и догматическим. В конце статьи дана оценка попыткам выхода из описанного теоретического затруднения с помощью, с одной стороны, радикальной децентрализации детства, а с другой — более нюансированного описания взаимодействий детей и общественных структур.

29

1 Серебряков Артем Сергеевич — аспирант Центра практической философии «Стасис» Европейского университета в Санкт-Петербурге, выпускающий редактор журнала Stasis. Научные интересы: философская антропология, философия детства, материалистическая диалектика, радикальная демократия, герменевтика. E-mail: aserebryakov@eu.spb.ru

Ключевые слова: исследования детства, социология детства, агентность, структура, ребенок, диалектика, Алан Праут, Йенс Квортруп

Artem S. Serebryakov¹

European University at St. Petersburg, Russia

A Child in a World of Agents and Structures: On the Antinomies of Childhood Studies

Abstract:

The article analyzes conceptual positions and disagreements among theorists of interdisciplinary childhood studies — a field of knowledge that emerged on the basis of the new sociology of childhood. This movement positioned itself as a paradigm shift in the understanding of childhood, revealing it as a conceptually autonomous area where the active role of children in constructing their own experiences and social relationships should be recognized. The widespread acceptance of the language for talking about childhood proposed by the new paradigm has led to its jargonization, circulation of uncritically repeated banalities, and the lowering of the theoretical stakes. To counter this trend, researchers are trying to reconsider the approaches that dominate their field. At the same time, a careful examination of the theoretical postulates and conceptual apparatus of childhood studies researchers reveals a fundamental divergence that cannot be reduced to methodological or stylistic preferences. In the article, this discrepancy is examined as an antinomy between agency and structure, as well as between an absolutization of the subjective or objective poles of understanding. Using program statements as an example, it is shown how the agent approach in the context of childhood studies differs from the structural approach, as well as what epistemological and political consequences both positions imply. The stake on the agency and autonomy of childhood turns into a fetishization of the ever-elusive authenticity of a child's voice; in its turn, the structural approach to childhood appears to be trivializing and dogmatic. At the end of the article, an assessment is provided of some attempts to get out of the described theoretical conundrum by the means, on the one hand, of the radical decentralization of childhood, and on the other hand, of a more nuanced description of the interactions between children and social structures.

Keywords: childhood studies, sociology of childhood, agency, structure, child, dialectics, Alan Prout, Jens Qvortrup

1 Artem Sergeevich Serebryakov — PhD Student, Stasis Center for Practical Philosophy at the European University at St. Petersburg, an assistant editor of the *Stasis* journal. Research interests: philosophical anthropology, philosophy of childhood, materialist dialectics, radical democracy, hermeneutics. E-mail: aserebryakov@eu.spb.ru

В конце 1980-х — начале 1990-х годов в социальных науках было провозглашено наступление новой парадигмы осмысления детства. Это произошло под эгидой сначала так называемой новой социологии детства, а затем и возникшего на ее основе течения *childhood studies*, или междисциплинарных исследований детства. Их сторонники поставили задачу исследовать детство и жизнь детей вне навязанной оппозиции с взрослостью и миром взрослых; увидеть в детях полноценных социальных акторов, активно участвующих в конструировании детства и общественных процессах; дать детям голоса и возможность соучаствовать в исследовательских проектах. Предыдущие попытки научной и философской концептуализации детства, согласно этой доктрине, скомпрометировали себя, поскольку были обусловлены искаженной точкой зрения — «перспективой социализации» ребенка, из которой самоценный детский опыт оказался невидим. На сегодняшний день дискурс *childhood studies* является в международной академии практически общепринятым языком для разговора о детстве [Tisdall, Punch 2012: 252], однако, как представляется, предложенная движением концептуальная модель продолжает оставаться противоречивой и неконсистентной.

31

Обсуждение этого течения началось на страницах «Социологии власти» в 2014 году со статьи Ирины Дуденковой [Дуденкова 2014] и продолжилось в 2019-м статьей Светланы Бардиной [Бардина 2019]. Обе исследовательницы критически подошли к проекту, провозгласившему открытие иной парадигмы осмысления детства с перспективой вовлечения науки в программы социополитических преобразований, направленных на эмансипацию детей. В обоих случаях эта критика была связана с отношением движения к наследию Нового времени. Пытаясь откеститься от последнего и преодолеть его концептуальные ограничения, новая социология детства, по мнению Дуденковой, сама себя завела в теоретический тупик: она сделала ставку на то, что «ребенок может выступать в качестве автономного рационального сознательного агента» [Дуденкова 2014: 57], тем самым буквально перенес характерные для эпохи модерна нормативные представления о субъективности на проблематичную детскую фигуру¹. В свою очередь, Бардина на примере гоббсовского «Левиафана» демонстрирует, что само современное понимание детства было сложнее, чем его представляет новое исследователь-

1 О характерном для исследований детства противоречии между декларативным отказом от нововременной парадигмы и одновременно верой в современные модели рациональности и аргументации см. также статью Линнии Хольмберг [Holmberg 2018].

ское движение, а потому предложенная им «смена языка описания детства не возвращает утраченную сложность и многоплановость детства, но, напротив, отчасти затемняет ее» [Бардина 2019: 27]¹.

Принимая во внимание проделанную коллегами работу, я позволю себе ограничиться минимальными репликами относительно контекста возникновения современной парадигмы *childhood studies* и ее отношения с модерностью. Со своей стороны, я попытаюсь сделать вклад в осмысление противоречивости и проблематичности теоретических жестов, лежащих в основании новых исследований детства. Для этого я продемонстрирую изначальную гетерогенность подходов авторов, которых обычно причисляют к этому направлению; на примере концептуальных манифестов *childhood studies* эксплицирую то фундаментальное внутреннее расхождение, которое, на мой взгляд, является в данном случае основным теоретическим затруднением; и, наконец, отмечу значимые попытки его разрешения и их возможные следствия.

Childhood studies: инструкция по сборке

32

Прежде чем вкратце воспроизвести стандартный нарратив, описывающий *childhood studies*, нужно сразу же зафиксировать неоднозначность всякого зонтичного термина или феномена, подпадающего под определение научного движения, направления или исследовательского поля.

Во-первых, речь здесь может идти о конкретных персоналиях, которые на разных основаниях и по разным причинам оказались в это поле вовлечены². Среди основоположников и ключевых теоретиков движения обычно называют Алана Праута, Элисон Джеймс, Криса Дженкса, Йенса Квортрупа, Уильяма Корсаро, Леену Аланен и др., но стоит помнить о существенных различиях в их концептуальных бэкграундах. Довольно сложно ожидать, к примеру, что Квортруп, писавший диссертацию о понятии класса у Карла Маркса и из-

1 Из других работ о современных исследованиях детства на русском языке стоит отметить статьи Козловской и Козловой [Козловская, Козлова 2020], Никитиной-ден [Никитина-ден 2009], а также дискуссию на страницах журнала «Антропологический форум» [Форум: В поисках детской субъектности 2019].

2 В этом смысле в качестве важного этапа становления *childhood studies* стоит отметить выход в 2014 году сборника интервью с более чем двадцатью представителями этого направления, каждый из которых предстает в качестве конкретной личности со своим частным исследовательским опытом и индивидуальным отношением к движению в целом [см.: Smith, Greene 2014].

учавший общественные структуры социалистических государств, будет стоять на тех же позициях, что и Праут, вдохновляющийся теориями постструктуралистов (Жиль Делез и Феликс Гваттари) и новых материалистов (Донна Харауэй). Стоит отметить, однако, что в основном главные лица движения — европейские социальные ученые, представители того, что в постколониальной теории зовется *Minority World* — развитых и богатых стран со специфической демографической структурой и нормативными представлениями о детстве, *включая* распространенные представления о многообразии, ценности и принципиальной уникальности всякого детского опыта [см.: Tisdall, Punch 2012: 250; Canosa, Graham 2021: 34–35].

Во-вторых, возможность говорить о современных *childhood studies* возникла благодаря определенным теоретическим жестам, главный из которых — манифестация того, что детство и дети достойны быть предметом научного изучения *сами по себе*, вне связи с потребностями общества в их социализации, воспитании, взрослении¹, ибо дети *уже* являются людьми и активными участниками социальных процессов. Важно, что это не единственный теоретический жест, позволивший установиться новой исследовательской парадигме, — далее будет показано, что в случае конкретных представителей движения мы всегда имеем дело с серией жестов, в которой удельный вес того или иного жеста может варьироваться, а кроме того, некоторые из них и вовсе могут опускаться. Однако даже этот основополагающий акт провозглашения самоценности детства, будучи тем консенсусным решением, на которое опиралось это течение и которое позволило отделиться от прежней традиции осмысления детства, в действительности не является хоть сколько-нибудь *новым*. Он практически буквально повторяет концептуальный жест Жан-Жака Руссо, произведенный в трактате «Эмиль, или О воспитании» в отношении главенствовавшей тогда области знания о детях — педагогики². Смысл этого хода состоит в ретемпорализации

- 1 Само понятие взросления также принципиально пересматривается — это не предзаданное однонаправленное движение, а множество статусных изменений, различным образом интерпретируемых представителями разных социальных групп [Valentine 2003].
- 2 Это совершенно не отменяет того факта, что представители *childhood studies* справедливо могут маркировать Руссо как типичного представителя натуралистической и предромантической концепции детства [James, Prout 1990: 34–36] и рассматривать его педагогику как теорию детской социализации. Важно тем не менее иметь в виду само формальное совпадение акта переинтерпретации значимости детства и его темпоральности, который в одном контексте был сделан Руссо, а в другую эпоху и при иной конфигурации знания о детстве — идеологами *childhood studies*. В обоих случаях имеет место попытка, пользуясь формулировкой Филиппа Арьеса, «от-

детства: разрыве связи между ранним жизненным опытом и будущим взрослением, казавшейся для прежней эпистемологической модели самоочевидной; утверждении того, что эта связь делает *собственно детство* невидимым и несущественным¹.

В-третьих, можно говорить об этом движении в контексте его институциональной укорененности. Исследования детства ассоциируются в первую очередь с двумя авторитетными журналами: *Childhood* и *Children's Geographies*, на чью долю приходится большая часть статей под эгидой этого течения [Andal 2021], — а также крупными международными исследовательскими проектами, такими как *Childhood Project* [Qvotrup 1994]. Иными словами, хотя новые исследования детства возникли в результате постулирования эпистемологического разрыва с предшествующей традицией, сегодня это уже часть «нормальной» науки, занятой серийным производством знания о детстве, в том числе в России [см.: Майорова-Щеглова, Колосова 2018; Майорова-Щеглова 2018: 18–22].

34 Наконец, в-четвертых, исследования детства предстают как своеобразный *дискурс* и *жаргон* — совокупность общих мест, устойчивых определений и риторических формул, встречающихся в научной продукции движения и не просто зафиксированных в их манифестах и тезаурусах [см., напр.: James, James 2012], но многократно повторяющихся в качестве *маркеров принадлежности* к новой парадигме. Здесь крайне важно отличать собственно теоретические жесты от жаргона — если первые обладают перформативностью и подразумевают под собой определенную *ставку*, то наличие жаргона обеспечивает эффективное воспроизводство соответствующей научной *риторики*, за которой первоначальная ставка просматривается всех уже. Теодор Адорно в лекциях для социологов назвал это «тягой к применению чего-то предзаданного, до известной степени административно определенного», ведущей к утрате фокуса на *существенном* для общества и его конкретного состояния [Адорно 2010: 47]. Это описание в значительной степени применимо к обла-

крыть детство». Иными словами, как и некогда руссоизм, новая парадигма осмысления детства имеет исторически обусловленный, а не абсолютный характер [см.: Peters, Johansson 2012].

- 1 «Я издали слышу вопли той ложной мудрости, которая беспрестанно отвлекает нас от самих себя, настоящее всегда считает за ничто, неумоимо преследуя будущее, убегающее по мере приближения к нему, — той мудрости, которая, перенося нас туда, где нас нет, переносит таким образом и туда, где мы никогда не будем. <...> У человечества — свое место в общем порядке Вселенной, у детства — тоже свое в общем порядке человеческой жизни: в человеке нужно рассматривать человека, в ребенке — ребенка» [Руссо 1981: 77–78].

сти childhood studies и рефлексруется его представителями как проблема. Широкое принятие языка, предложенного новой социологией детства, и пафос отрицания и преодоления прежней концептуальной парадигмы и научной традиции привели «к возникновению “мантр”, которые повсеместно встречаются в публикациях об исследованиях детства <...>: мантр о детстве как социальном конструкте, о признании и фокусе на агентности детей и молодых людей, о ценности детских и юношеских голосов, опытов и/или участия» [Tisdall, Punch 2012: 251; см. также: Holmberg 2018]. Важно также добавить, что любая дискурсивная экспансия есть в то же время процесс установления определенных табу — причем как раз не только риторических, но и концептуальных. Чтобы быть признанным в качестве полноправного участника исследовательского поля, пишущему о детстве необходимо не только воспроизводить жаргон, но и *избегать* неудобных и противоречивых формулировок — таких, например, которые могут показаться содержащими в себе непроработанное наследие злополучной перспективы социализации.

В этом перечислении мы продвинулись от индивидуального (конкретных авторов и их конкретных теоретических ходов) к безличному (институциям и воспроизводящемуся дискурсу). В оценке достижений и перспектив исследовательского поля¹ следует учитывать оба этих полюса, а также понимать, что единство риторики может быть мнимым, а реальные теоретические ставки представителей одного течения противоречить друг другу.

35

Новой социологии детства не было

Какова в таком случае краткая история childhood studies? Предпосылкой возникновения нового движения было признание детства социальным, политическим и культурным феноменом, исторически изменчивым как в концептуальном, так и практическом отношении. Важнейшую роль здесь сыграли исторические исследования Арьеса [Арьес 1999] и Ллойда Демоза [Демоз 2000], генеалогический подход и концепция индивидуализации, в том числе детской, Мишеля Фуко [Фуко 1999] и другие работы, ассоциируемые с конструктивистским поворотом [см.: Kennedy 2000]. Альтернативная парадигма установила себя в рамках «новой социологии детства» с помощью серии программных статей и книг, из которых громче всех прозвучал манифест Праута и Джеймс 1990 года [Prout,

1 Полагаю, само представленное описание не является специфичным именно для исследований детства, а вообще характерно для локальных полей современной науки, определяемых как те или иные studies.

James 1997: 7–32], наиболее отвечавший духу времени и во многом породивший ту самую «мантру» о детстве как *социальном конструкте*. При этом очевидно меньше внимания получили, например, программный выпуск «Международного журнала по социологии» под редакцией Квортрупа [Qvortrup 1987] или вышедшая в 1997 году (и впоследствии многократно переиздававшаяся) монография по социологии детства Корсаро [Corsaro 2015], хотя эти авторы описывали детство в первую очередь как *структурную форму* — к этому важнейшему расхождению мы еще обратимся далее.

Тезис о детстве как социальном конструкте на какое-то время стал восприниматься в рамках движения некритически, как принятый по умолчанию: «Все современные подходы к исследованию детства, — писал Дженкс в 1996 году, — очевидно исходят из того, что детство не является естественным феноменом и не может быть с таких позиций верно понято» [Jenks 2005: 6]. Вскоре, однако, даже его ближайший сторонник Праут отказался от такого взгляда на соотношение природы и культуры [Prout 2004: 83–84], а в последнее десятилетие появилось уже немало работ, проблематизирующих и выступающих за необходимость преодолеть этот дуализм [см.: Бардина 2019: 25–26; Canosa, Graham 2020: 33]. Иными словами, хотя исследования детства все еще часто ассоциируются с наивным конструктивистским тезисом, от него уже давно отказались даже некоторые из тех, кто его изначально выдвигал в качестве предпосылки для своей «новой социологии». Я, впрочем, намерен показать, что данный тезис в истории этого движения сам выступал в качестве итерации более фундаментальной теоретической ставки.

Прежде, однако, нужно закончить описание становления исследовательского поля в его нынешнем виде. Важнейшим моментом здесь стало превращение социологического движения в междисциплинарное, хотя его результат нельзя назвать ни однозначным, ни окончательным. С одной стороны, программа «новой социологии» сама настаивала на принципиальной множественности возможных концепций детства и разнообразии способов его конструирования, так что запрос на междисциплинарность казался неизбежным и многообещающим [см.: Woodhead, Montgomery 2003; Kehily 2009: 17–31], и сегодня лейбл *childhood studies* повсеместно распространен. С другой стороны, недавний анализ публикаций показывает, что многие исследователи, работающие в этом поле, намеренно продолжают придерживаться более узкой и традиционной дисциплинарной привязки (будь то социология, антропология, география и т. д.), все чаще говорят не о *меж*-, а только о *мульти*-дисциплинарности, поэтому пока что «исследования детства еще не могут претендовать на идентичность в качестве отдельной дис-

циплины» [Canosa, Graham 2020: 30–32]. Это исследовательское поле все еще предстает как совокупность замкнутых сфер, коммуникация между которыми налажена плохо, а с некоторыми практически отсутствует: это касается, в частности, истории детства (которой childhood studies обязаны своим парадигмальным сдвигом) и не в последнюю очередь также философии детства. Что, в свою очередь, означает, что «новая социология детства» не была *новой* в смысле институционального функционирования.

В методологическом отношении особое беспокойство в childhood studies вызывают вопросы детского соучастия в производстве знания о детстве и способы сделать детские голоса услышанными [см.: Canosa, Graham 2020: 36; Филипова, Хуснутдинова 2022]. Проблема влияния исследователя на речь своих респондентов или реакции своих объектов наблюдения ставится здесь в традиционном для социальных наук ключе. Исследователь оказывается в амбивалентной позиции: от него требуется и искать возможности получить аутентичный материал, и постоянно разоблачать эту претензию на аутентичность, демонстрируя сконструированность тех самых искомых детских голосов — но последнее никогда не должно побуждать отказываться от «поиска и включения детских мыслей и речи в исследование» [James 2008: 264–266]. Руссоистская романтизация детства самого по себе здесь оборачивается уже фетишизацией детского голоса как чего-то *одновременно* неуловимого и непосредственно данного — эмпирическое исследование предполагает устойчивый паттерн, в котором попеременно нужно быть наивным (верить в подлинность голоса), затем разоблачать свою наивность (дискредитировать претензию на подлинность), после чего заново возвращать себе веру¹. Однако такая схема, конечно же, неизбежно предполагает фундаментальную неудовлетворенность добытым материалом — детское необходимо должно быть *недостаточно детским*, чтобы научное предприятие по его изучению продолжало функционировать. Это два взаимосвязанных вопроса: надежда уловить (она же потребность упустить) специфику *детского* выступает как гарантия продолжения существования того академического поля, с которым конкретные исследователи связали свою судьбу. Не все представители childhood studies проблематизируют это требование

1 Схожая схема работает и в том, что касается необходимости выявлять и актуализировать агентность детей как участников социальных процессов, и такое рефлексивное отношение к этому аспекту отнюдь не является бесосновательным — как убедительно показал Дэвид Лэнси, некритически принятое требование фокусировать исследования на детской агентности превращает эмансипаторную программу в гегемонную и навязывающую общий для всех нарратив [см.: Lancy 2012].

аутентичности данных в равной степени, что вызвано намеренно более ограниченным пониманием автономности детства, — это, опять-таки, связано с главным концептуальным расхождением, к рассмотрению которого я теперь перейду.

Манифесты агентной и структурной партий

Того, кто погружается в массивы литературы по childhood studies, не может в какой-то момент не удивить та двусмысленность, которая возникает в работах, и особенно коллективных сборниках, при попытке определить собственно объект исследования. Одни говорят о том, что исследуют контингентное *многообразие детства* — конструкторов (сегодня часто уже не социальных, а социобиологических), производимых за счет практик *множества* индивидуальных акторов (в зависимости от оптики, это могут быть только дети, или также и взрослые, или также и животные, неживые объекты, материальные субстанции и т. д.). Другие авторы, иногда буквально через несколько страниц, рассуждают о *детстве* как универсальном структурном элементе общества, свободно оперируют понятием «поколения» и т. д. И лишь изредка это расхождение проговаривается четко: в исследованиях детства сосуществуют две оптики и два подхода, «агентный» и «структурный», восходящие к микро- и макросоциологическим методам анализа [Qvotrup et al. 2009a: 57]. Однако речь идет о чем-то более существенном, чем просто методологический выбор: множественность агентности и единство структуры сами выступают как *фундаментальный дуализм*, играющий более важную роль, чем выбор приоритета между природой и культурой, и подразумевающий под собой целую серию оппозиций, где на структурном полюсе находятся, к примеру, «общество» и «бытие», а на агентном — «индивидуальность» и «становление» [Prout 2004: 62–67]. Иногда этот раскол становится настолько ощутимым, что, к примеру, вынуждает Корсаро признать во введении к своей «Социологии детства», что порой он испытывал желание написать *сразу две книги*, сфокусировав одну на социально-психологических дескрипциях, а вторую на анализе структур [Corsaro 2015: xii]. Однако пример Корсаро свидетельствует как раз о том, что описанное расхождение не является чисто методологическим — работая почти исключительно на микроуровне, он все полученные данные интерпретирует через структурную оптику и использует их для подкрепления универалистской модели детства как структурной формы. В свою очередь, представители агентного лагеря активно пользуются макроданными, однако подчеркивают, что этот анализ стоит использовать в качестве ресурса для поддержания концептуальной автономии детства и принципиальной реконфигурации системы

отношений, представленной сегодня в конвенциональных структурных терминах [Alanen, Mayall 2001: xii].

Чтобы четче зафиксировать, какие следствия вытекают из той или иной теоретической ставки, сравним ключевые положения двух программных текстов, предваряющих важные коллективные сборники по исследованиям детства. Один — уже упоминавшийся манифест новой социологии детства Праута и Джеймса, поддержанный (а во многом и инспирированный) Дженксом [см.: Jenks 2005: 29–31]; второй — введение к руководству по childhood studies под редакцией Квортрупа, Корсаро и Майкла-Себастьяна Хонига.

Авторы первой программы выделяют шесть основных принципов, на которых должны строиться исследования в рамках новой парадигмы:

1. Детство должно пониматься как конструкт, оно не является ни чем-то естественным, ни чем-то универсальным.
2. Детство является одной из переменных социального анализа; поскольку оно вариативно и мультифакторно и на него влияют гендерные, классовые и этнические аспекты, нужно говорить о наличии множества детства.
3. Детство достойно самостоятельного изучения, независимого от интересов и перспектив взрослых.
4. Дети должны рассматриваться как активные участники конструирования своих жизней.
5. Исследования должны опираться на этнографическую методологию, чтобы была возможность услышать голоса самих детей.
6. Исследования детства одновременно должны быть реализацией проекта по реконструированию детства в обществе [Prout, James 1997: 7–9].

39

Вторая программа состоит из следующих пяти пунктов:

1. Социальные науки должны заниматься исследованием «нормального» детства, а не быть исключительно реакцией на ту или иную актуальную общественную проблему — только поняв роль детства в контексте социальных проблем всего общества, можно изменить к лучшему окружение, в котором живут дети.
2. Необходима критика конвенциональной перспективы социализации, чтобы понять, принять и признать детей и их жизненные миры значимыми сами по себе.
3. Исследования должны учитывать агентность и голоса самих детей, рассматривать их как активных членов общества, а не как его пассивные и незащищенные элементы.
4. Детство должно рассматриваться в контексте множества структурных ограничений, которые накладывает на него об-

щество, в том числе нужно учитывать, что взаимоотношения с взрослыми являются реальностью для каждого ребенка.

5. Детство можно исследовать стандартными методами, поэтому исследования не должны замыкаться на каком-то детском микромире, а иметь в виду, что дети являются структурной частью любого общества [Qvortrup et al. 2009b: 4–6].

В сравнении этих, на первый взгляд довольно похожих манифестов нужно в первую очередь обратить внимание на соотношение единства и множественности в определениях детства. Ставка манифеста Праута и Джеймс состоит в том, что исследования должны фиксировать вариативность, уникальность и комплексность всех опытов детства; поскольку количество переменных в потенциале бесконечно, то в пределе *детств окажется столько же, сколько и детей*. Программа Квортрупа, Корсаро и Хонига рассматривает ту же самую соотносительность детства с различными переменными как множественность ограничений, детерминирующих и обуславливающих детство *как структурную форму любого общества*. В связи с этим мы видим также разное понимание отношений между детьми и взрослыми в обществе: в первом случае модель рассматривает специфическое взаимодействие детей с взрослыми как пусть и важный, но все-таки лишь один из факторов, определяющих их как детей; во втором случае этот фактор становится главенствующим, ибо положение ребенка есть в первую очередь структурное положение в системе поколений. Иными словами, в одном случае дети — в значительной мере самостоятельные *агенты*, конструирующие социальное пространство, *в том числе* через взаимодействие с взрослыми; в другом — дети предстают как *активные интерпретаторы*, действующие и понимающие себя под воздействием множества влияний и ограничений, вызванных их структурным положением — и *по преимуществу* в их отношении к миру взрослых¹. Исходя из агентной парадигмы, детский опыт содержит в себе нечто экстраординарное («аутентичное»), что возможно обнаружить, если преодолеть ограничения партикулярных концепций, ошибочно универсализирующих этот опыт. Исходя из структурной парадигмы, детство — это сложная и исторически трансформирующаяся, но по большому счету ординарная и систематизируемая совокупность жизненных опытов². Агентный подход стремится сделать все,

40

1 См., в частности, исследования Корсаро о детской культуре, или культуре сверстников (peer culture), где под последней понимается деятельность детей одновременно как «интерпретаторов» взрослого знания и производителей своего детского знания [Corsaro 1992].

2 О погоне исследователей за детской аутентичностью и экстраординарностью Квортруп высказался категорически: «...ничего такого уж таинствен-

чтобы ребенок, несмотря на объективные факторы, рассматривался как *субъект*, а структурный отстаивает необходимость для науки, несмотря на все субъективные вариации детских опытов и признание конструктивного детского участия, фиксировать детство как *объект* (или уровень более комплексного объекта — общества).

Политические следствия обеих программ достаточно очевидны. Ставка на агентность предполагает скорее либеральные или анархистские позиции с постоянным подчеркиванием необходимости личной эмансипации детей от неадекватных ограничений, мотивированных ложными представлениями о детских способностях и общественных ролях. Их коллегам-оппонентам в целом ближе социал-демократический подход, где политическая задача исследователей — предложить умеренные и хорошо обоснованные структурные реформы, способствующие благополучию детей в долгосрочной перспективе. В то же время если конкретная политическая вовлеченность структурных исследований практически никогда не подлежит сомнению, то сторонники агентного подхода в своих рассуждениях порой приходят буквально к деполитизирующим выводам. Так, в статье о понятии агентности Джеймс характеризует общественную обеспокоенность современным детским медиапотреблением как просто моральную панику и в неолиберальном духе заключает: «Поэтому, несмотря на частые попытки связать идеи детской агентности с политической повесткой, чтобы придать детям статус группы меньшинств по отношению к взрослым, агентность в конечном счете — это качество индивидуального ребенка. Это нечто, что дети могут выбрать и задействовать, а могут и не выбрать...» [Qvortrup et al. 2009b: 44]¹.

41

Выбор в пользу структурности или агентности в рамках перформативно объявленного общего исследовательского поля скорее *толе-рируется*, чем проблематизируется, мотивируется дисциплинарной традицией или даже темпераментом конкретного исследователя [Prout 2004: 68]. При этом теоретические ставки, проговариваемые все

ного в детях или детстве нет. Дети — это человеческие существа (*beings*), а не только “человеческие становления” (*becomings*); у них есть не только потребности, наличие которых признается, но и интересы, которые могут совмещаться, а могут и не совмещаться с интересами других социальных групп или категорий, и они могут быть подвержены воздействию общественных сил так же, как любые другие группы, слои или классы» [Qvortrup 1994: 18].

1. Радикальной противоположностью здесь будет выступать, например, текст Дэвида Олдмана, предлагающего рассматривать детей не просто как меньшинство, но как *класс*, определяемый через специфические формы трудовой активности (в т. ч. школьный труд) и противопоставленный классу взрослых [Qvortrup 1994: 43–58].

чаще в качестве общих мест, продолжают подталкивать к однозначным утверждениям автономности либо структурной встроенности детства, либо уходить от выбора с помощью простой декларации того, что важно учесть и то, и другое. В этом отношении childhood studies в период своего становления по большей части оставались в рамках докритического дуалистического мышления, не будучи готовыми даже сформулировать данную проблему как антиномию, не то что предложить ее решение. В заметке 2017 года Аланен признала серьезной проблемой как раз неспособность своих коллег четко артикулировать свои фундаментальные, онтологические позиции: «К сожалению, чего мы сейчас наблюдаем все реже, так это открытого признания и критического обсуждения онтологических (а с ними и эпистемологических) ставок, которые выбранные нами онтологии предписывают для производства “хорошей” науки» [Alanen 2017: 149].

42

Долгое время единственным заметным исключением здесь была наиболее теоретически значимая книга Праута — «Будущее детства» 2004 года. Значительную часть книги он посвящает разбору концептуальных оппозиций, в которых замкнулись исследования детства, и ставит задачей найти из них выход. Здесь присутствует и пересмотр собственной наивно-конструктивистской позиции, и достаточно фундированная критика структуралистского подхода на примере Квортрупа и Аланен. Кроме делезо-гваттарианских концептов и философии новых материализмов, Праут опирается на акторно-сетевой подход и теории комплексных и нелинейных систем [Prout 2004: 67–82, 113–118]. Эти ресурсы, согласно Прауту, позволяют мыслить детство и детские взаимодействия, включая межпоколенческие, в логике множественности и становления, преодолеть ту ригидность, которая была свойственна не только структурному, но и агентному подходам. Этот вторичный парадигмальный сдвиг со стороны одного из основателей исследований детства пока не стал в childhood studies общепринятым — самой убедительной и серьезной попыткой следовать ему является проект «онтологического поворота» в исследованиях детства антрополога Спироса Спиру, который подключает еще больше философских ресурсов для дальнейшей «децентрализации» детства [Spiro 2018]. Но независимо от того, превратится ли эта ставка в следующие годы в еще одно общее место и элемент жаргона, необходимо задаться вопросом, а действительно ли она является выходом за пределы логики оппозиций?

Философское письмо о структурности и агентности

В 1795 году молодой Фридрих Шеллинг опубликовал текст под названием «Философские письма о догматизме и критицизме». В этой работе, являющейся попыткой переосмыслить достижения кантов-

ской критики и преодолеть установленные ей ограничения, Шеллинг формулирует фундаментальное противоречие, с которым сталкивается наше познание: разуму всегда приходится делать выбор в пользу либо объекта, либо субъекта, в связи с чем есть две тенденции к однозначному и предельному разрешению противоречия — «либо субъект должен раствориться в объекте, либо объект — в субъекте» [Шеллинг 1987: 51]. Выбор в пользу объективности делает «догматизм»: согласно ему, объективно существует единая субстанция, а все субъективное принадлежит и определяется ей, поэтому в конечном счете может быть ей и поглощено. Противоположное решение «критицизма» абсолютизирует субъективность — именно субъект с этой точки зрения является тем, кто определяет то, каким мир должен быть и каков он вообще. Задачу всей дальнейшей философии Шеллинг формулирует как преодоление самого этого выбора как ложного, создание такой системы, которая будет абсолютизации субъективности и объективности рассматривать как частные моменты в рамках динамического единства, в котором на равных условиях и необходимым образом происходит переход от одного полюса к другому и обратно.

Возвращаясь к расхождению в теоретических ставках основателей *childhood studies*, можно увидеть, что перед нами вариация той же самой дилеммы. Полюс структурности (Квортруп, Корсаро, Аланен) соотносится с полюсом агентности (Праут, Джеймс, Дженкс) как ставка на объективное со ставкой на субъективное. С одной стороны — утверждение объективно существующей перманентной структуры общества, в которую встроен и которой определен субъективный элемент детства. За этим элементом признается изменчивость и многообразие, но только *в границах* первоначальной объективной обусловленности. С другой стороны — программа автономизации субъективности, где детство выступает как выражение не подчиненных обществу либо нуждающихся в освобождении от него возможностей детей по конструированию и реконструированию *своих миров* (уникальных детств) и *мира в целом* (общества как метаконструкта).

Такой перевод на самые элементарные философские термины необходим, чтобы увидеть, почему описанное выше переосмысление Праутом его конструктивистской позиции как слишком бинарной является просто логичным следствием изначально сделанной ставки на агентность, или субъективность. Ведь субъект, если мы признаем его чем-то нередуцируемым к структуре или единой субстанции общества, и есть то, что привносит в объективное структурное единство искомую сторонниками агентного подхода *множественность*. В акте утверждения детства как социального конструкта сам момент социальности/культурности был вторичен

по сравнению с потребностью обосновать автономность и бесконечную изменчивость субъекта-ребенка, а также детства и общества как преобразуемых им миров. Обнаружив, что определение ребенка через одни лишь социокультурные конструкты все еще недостаточно автономизирует его, Праут *усилил и радикализировал предыдущий жест*, начав определять детство уже как множество постоянно меняющихся гетерогенных конструктов:

Детство нужно рассматривать ни как «естественное», ни как «культурное», но как множество «природ-культур», то есть как многообразие сложных гибридов, составленных из разнородных материалов и возникающих во времени. Оно культурное, биологическое, социальное, индивидуальное, историческое, технологическое, пространственное, материальное, дискурсивное... и много больше. В детстве нужно видеть не единый феномен, а множественный набор конструкций, возникающих в результате соединения и разъединения, слияния и разделения этих разнородных материалов [Prout 2004: 144].

44

У этого нарратива есть два проблемных следствия, которые вместе образуют занятное теоретическое противоречие. Во-первых, радикальная ставка на множественность фактически означает, что никакой внешний взгляд на какое-либо из детств не может претендовать на адекватность: каждый набор конструктов (или даже набор наборов) предельно уникален и субъективен — детский опыт и то, как ребенок конструирует мир, непередаваемы ни в какие конвенциональные формулы, по крайней мере соответствующие старым критериям научности. Говоря начистоту, единственное адекватное решение здесь подразумевает полный отказ исследователя от производства знания и расценивание себя исключительно в качестве инструмента, через который ребенок может заговорить, если захочет. Но во-вторых, такая радикализация субъективности, такое *тотализованное различие*, фактически выхолащивает сам акт утверждения детской автономности или какой-то специфической значимости ребенка. Если всякое детство и всякий ребенок различны и гетерогенны в той же степени, что и всякий другой элемент мира (а постгуманистический пафос этой программы прямо постулируется), то мы не только не можем иметь дело с детством даже опосредованно, но должны признать, что нам дана лишь *одна неисчислимая множественность*. В пределе такая ставка на субъективность оборачивается торжеством безразличной объективности.

Что касается структурного полюса исследований детства, то и здесь существует достойный упоминания проект по преодолению изложенных противоречий. Он принадлежит Присцилле Алдерсон, стороннице философского движения критического реализма, сочетающего аналитическую философию и диалектиче-

скую методологию. Алдерсон негативно отзываясь о следствиях жеста, описанного мной на примерах Праута и Спиру: такой подход, по ее словам, «ставит людей и объекты на одинаковый уровень агентности и упускает сознательную агентность, уникальную для человеческих существ» [Alderson 2016a: 205]. В то же время, продолжает она, и сама абсолютизация значимости агентности является ошибочной, как, впрочем, и переоценка роли общественных структур в контексте коллективного действия. Отношение между структурой и агентами является диалектическим взаимодействием, разворачивающимся во времени: «...агенты отталкиваются от ряда уже существующих структур в открытых системах; структуры могут быть причиной агентности, но не детерминируют ее; и агенты формируют и переформируют структуры в напряженных последовательностях (трансформаций)» [Alderson 2016b: 93]. Вместе с тем многое говорит о том, что перед нами решение с однозначным перевесом в пользу объекта. Во-первых, Алдерсон придерживается строгой и последовательной методологической схемы анализа ситуации, в которой субъективный элемент учтен в качестве критического и рефлексивного осмысления полученных данных с целью их уточнения, но никак не угрожает самому исследовательскому предприятию (а признание того, что действия детей входят в *противоречие* с установками исследователя, было одним из ценнейших моментов агентного подхода). Во-вторых, она ожидаемо критикует childhood studies за то, что в них слишком силен фокус на специфичности детства в отрыве от мира взрослых [Alderson 2016a: 200], рассуждает о детстве скорее нормативно, без учета многих теоретических затруднений, и описывает положение детей *по аналогии* с женщинами или вообще всеми взрослыми [Alderson 2016b: 5–8]. В-третьих, сам анализ глубинных социальных структур как причин повседневного действия (а в случае политических проблем — бездействия) агентов в программе Алдерсон представляется наиболее существенным — именно этот уровень обозначается ей как *реальный*. Вместе с тем ее подход действительно нацелен на то, чтобы конечным итогом анализа было коллективное субъективное действие с непосредственным участием детей в обсуждении и разработке способов решить глобальные проблемы общества, в первую очередь экономическое неравенство, перепотребление и изменение климата [Ibid.: 135–166]. Но из-за догматического методологического подхода и неготовности к серьезной рефлексии важнейших для своего анализа понятий, включая собственно детство и детей, эта программа может показаться слишком формальной и недостаточно убедительной как раз из-за чрезмерного исследовательского *субъективизма*, вписывающего полученные данные в заранее избранную схему «диалектического» рассуждения.

Признание противоречивого характера тех теоретических ставок, с которыми ассоциируются современные исследования детства, и дальнейшие поиски его разрешения должны стать главной задачей для теоретиков, работающих в этой области, особенно в ситуации, когда навязчивая тенденция к жаргонизации и некритическому воспроизводству риторических ходов очевидна даже для самих представителей движения. Именно такая работа побуждает к тому, чтобы вернуться к вопросу о достижении действительной междисциплинарности *childhood studies*, включая более глубокую философскую фундированность возможных концептуальных конфигураций и осознание их следствий. Она также должна помочь осознанно сопротивляться тенденциям к фетишизации и нормализации детства и детского опыта, распространенным в этой области знания. Только осмысление исследовательских моделей на фундаментальном уровне позволяет науке вернуться к вопросу о том, что для нее как познавательного и политического предприятия существенно, а что нет.

Библиография / References

46

Адорно Т. (2010) *Введение в социологию*, М.: Праксис.

— Adorno T. (2010) *Introduction to Sociology*, Moscow: Praxis. — in Russ.

Арьес Ф. (1999) *Ребенок и семейная жизнь при старом порядке*, Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та.

— Ariès P. (1999) *The Child and Family Life in the Old Regime*, Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta. — in Russ.

Бардина С. (2019) «Дети, идиоты и сумасшедшие»: Томас Гоббс и проблемы современной социологии детства. *Социология власти*, 31 (1): 14-29.

— Bardina S. M. (2019) "Children, fools, and madmen": Thomas Hobbes and the Problems of the Sociology of Childhood. *Sociology of Power*, 31 (1): 14-29. — in Russ.

Демоз Л. (2000) *Психоистория*, Ростов-на-Дону: Феникс.

— deMause L. (2000) *Psychohistory*, Rostov-on-Don: Feniks. — in Russ.

Дуденкова И. (2014) «Детский вопрос» в социологии: между нормативностью и автономией. *Социология власти*, (3): 47-59.

— Dudenkova I. (2014) "Children's Question" in Sociology: Between a Normativity and an Autonomy. *Sociology of Power*, (3): 47-59. — in Russ.

Козловская А., Козлова А. (2020) Детская агентность как предмет теоретической дискуссии и практическая проблема (антропологический комментарий). *Антропологический форум*, (45): 11-25.

— Kozlovskaya A., Kozlova A. (2020) Children's Agency as a Theoretical Problem and a Practical Concern (an Anthropological Remark). *Anthropological Forum*, (45): 11-25. — in Russ.

Майорова-Щеглова, Колосова. (2018) Дети и детство как объекты социологических исследований. *Социологические исследования*, (3): 62–69.

— Mayorova-Shcheglova S., Kolosova E. (2018) Children and Childhood as Objects of Sociological Research. *Sociological Research*, (3): 62–69. — in Russ.

Майорова-Щеглова С. (ред.) (2018) *Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус*, М.: Изд-во РОС.

— Mayorova-Shcheglova S. (ed.) (2018) *Childhood of the XXI century: a Socio-Humanitarian Thesaurus*, Moscow: Izd-vo ROS. — in Russ.

Никитина-ден Бестен О. (2009) «Детство» в социальных науках: новые смыслы и новые подходы. *ИНТЕР: Интеракция. Интервью. Интерпретация*, (5): 7–24.

— Nikitina-den Besten O. (2009) What's new in the New Social Studies of Childhood? *INTER: Interaction, Interview, Interpretation*, (5): 7–24 — in Russ.

Руссо Ж.-Ж. (1981) *Эмиль, или о Воспитании*. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: В 2-х т. Т. 1. М.: Педагогика.

— Rousseau J.-J. (1981) *Emile, or On Education*. Rousseau J.-J. Pedagogical works: In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Pedagogika.

Форум: В поисках детской субъектности. (2019) *Антропологический форум*, (42): 9–106.

— Forum: Searching for Children's Agency. *Anthropological Forum*, (45): 11–25. — in Russ.

47

Филипова А., Хуснутдинова М. (2022) А где же ребенок? *Комплексные исследования детства*, 4 (3): 203–209.

— Filipova A., Husnutdinova M. (2022) And Where is the Child? *Comprehensive Child Studies*, 4 (3): 203–209.— in Russ.

Фуко М. (1999) *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*, М.: Ad Marginem.

— Foucault M. (1999) *Discipline and Punish. The Birth of the Prison*, Moscow.: Ad Marginem.— in Russ.

Шеллинг Ф. В. Й. (1987) *Философские письма о догматизме и критицизме*. Сочинения в 2 т.: Т. 1. М.: Мысль.

— Schelling F. W. J. (1987) Philosophical Letters on Dogmatism and Criticism. Works in 2 vol.: Vol. 1. Moscow: Mysl'. — in Russ.

Alanen L., Mayall B. (2001) *Conceptualizing Child-Adult Relations*, London, New York: Routledge.

Alanen L. (2017) Childhood Studies and the Challenge of Ontology. *Childhood*, 24 (2): 147–150.

Alderson P. (2016a) The Philosophy of Critical Realism and Childhood Studies. *Global Studies of Childhood*, 6 (2): 199–210.

Alderson P. (2016b) *The Politics of Childhoods Real and Imagined: Practical Application of Critical Realism and Childhood Studies*, London, New York: Routledge.

Andal A. G. (2021) The state of journals on children and childhood studies: Insights and challenges from a citation analysis. *Childhood*, 28 (3): 444–458.

- Canosa A., Graham A. (2020) Tracing the contribution of childhood studies: Maintaining momentum while navigating tensions. *Childhood*, 27 (1): 25–47.
- Corsaro W. A. (1992) Interpretive Reproduction in Children's Peer Cultures. *Social Psychology Quarterly*, 55 (2): 160–177.
- Corsaro W. A. (2015) *The Sociology of Childhood. Fourth edition*, London: SAGE.
- Holmberg L. (2018) The future of childhood studies? Reconstructing childhood with ideological dilemmas and metaphorical expressions. *Childhood*, 25 (2): 158–172.
- James A. (2007) Giving Voice to Children's Voices: Practices and Problems, Pitfalls and Potentials. *American Anthropologist*, 109 (2): 261–272.
- James Al., James Ad. (2012) *Key Concepts in Childhood Studies*, London: SAGE.
- Jenks C. (2005) *Childhood. 2nd ed.*, New York: Routledge.
- Kehily M. J. (2009) *An Introduction to Childhood Studies. Second Edition*, Maidenhead, UK: Open University Press.
- Kennedy D. (2000) The Roots of Child Study: Philosophy, History, and Religion. *Teachers College Record*, 102, (3): 514–538.
- Lancy D. (2012) *Unmasking Children's Agency*, *AnthropoChildren*, 1 (2): 1–20.
- Peters M. A., Johansson J. (2012) Historizing Subjectivity in Childhood Studies. *Linguistic and Philosophical Investigations*, (11): 42–61.
- Prout A. (2004) *The Future of Childhood. Towards the Interdisciplinary Study of Children*. London, New York: Routledge.
- Prout A., James A. (eds.) (1997) *Constructing and Reconstructing Childhood: Contemporary Issues in the Sociological Study of Childhood*, London: Farmer Press/Taylor & Francis.
- Qvortrup J. (ed.) (1994) *Childhood Matters*, Aldershot: Avebury.
- Qvortrup J., Brown Rosier K., Kinney D. A. (eds) (2009a) *Structural, Historical, and Comparative Perspectives (Sociological Studies of Children and Youth, Vol. 12)*, Bingley: Emerald Group Publishing Limited.
- Qvortrup J. (Ed.) (1987) *The Sociology of Childhood. International Journal of Sociology*, 17 (3).
- Smith C., Greene S. (2014) *Key thinkers in childhood studies*, Bristol: Policy Press.
- Spirou S. (2018) *Disclosing Childhoods. Research and Knowledge Production for a Critical Childhood Studies*, London: Palgrave Macmillan.
- Tisdall E. K. M., Punch S. (2012) Not So 'New'? Looking Critically at Childhood Studies. *Children's Geographies*, 10 (3): 249–264.
- Valentine G. (2003) Boundary Crossings: Transitions from Childhood to Adulthood. *Children's Geographies*, 1 (1): 37–52.
- Woodhead M., Montgomery H. (eds) (2003) *Understanding Childhood: An Interdisciplinary Approach*, Chichester: Wiley/The Open University.

Рекомендация для цитирования:

Серебряков А. С. (2022) Ребенок в мире агентов и структур: об антиномиях исследований детства. *Социология власти*, 34 (3–4): 29–49.

For citations:

Serebryakov A. S. (2022) A Child in a World of Agents and Structures: On the Antinomies of Childhood Studies. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 29-49.

Поступила в редакцию: 02.12.2022; принята в печать: 23.12.2022

Received: 02.12.2022; Accepted for publication: 23.12.2022